ПОЗИЦИЯ КНР В ОТНОШЕНИИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА МОРСКИХ ЖИВЫХ РЕСУРСОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ СЕВЕРНОГО ЛЕДОВИТОГО ОКЕАНА

КИЕНКО Елена Викторовна, специалист 1-й категории отдела зарубежного конституционного, административного, уголовного законодательства и международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34

E-mail: miss.kienko@yandex.ru

Рассматривается обозначенная в правовых документах позиция Китайской Народной Республики в отношении режима сохранения морских живых ресурсов в центральной части (самом большом анклав открытого моря) Северного Ледовитого океана, замкнутой 200-мильными исключительными экономическими зонами пяти приарктических государств — России, США, Канады, Дании и Норвегии. Ввиду стремительного международно-правового продвижения национальных интересов неарктических государств в Арктике и связанной с этим растущей в последнее время активности этих государств как в рамках Арктического совета, так и в области договорной практики, объясним интерес России в выявлении правовой позиции Китая — государства, занимающего первое место в мире по численности населения и по ряду экономических показателей, страны с быстро растущей военной мощью, единственного постоянного члена Совета Безопасности ООН, у которого в прошлом были прямые вооруженные столкновения с СССР.

Сегодня Китай вместе с арктическими государствами участвует в разработке нового международного договора — Соглашения о предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана, что для неарктического государства является несомненным достижением. Правовой анализ позиции (отраженной прежде всего в «Арктической политике Китая» 2018 г.) этого неарктического государства представляет важность потому, что она во многом не согласуется с исторически сложившимся статусом Арктики, а также в части особых прав на морские живые ресурсы приарктических государств. Вместе с тем международно-правовую позицию Китая можно рассматривать как видение этим государством правового режима таких ресурсов с точки зрения будущего права.

Ключевые слова: Арктика, центральный район Северного Ледовитого океана, сохранение морских живых ресурсов, Китайская Народная Республика.

THE POSITION OF THE PRC REGARDING THE LEGAL REGIME OF MARINE LIVING RESOURCES IN THE CENTRAL PART OF THE ARCTIC OCEAN

E. V. KIENKO, specialist of the Department of foreign constitutional, administrative, criminal legislation and international law of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117218

E-mail: miss.kienko@yandex.ru

The article deals with international legal stance of the People's Republic of China on legal regime of conservation of marine living resources in the Central Arctic ocean (the biggest enclave) surrounded by 200 miles of Exclusive Economic Zones of five Arctic states — Russia, the USA, Canada, Denmark and Norway. With regard to assertively promoting of national interests of non-Arctic states by means of international law and consequently recently increased activity in the Arctic both under the Arctic Council and because of their treaty practice, the interest of Russia in revealing China's legal posture is foreseen (China is the first largest population in the world, one of the states with the highest economic indicators and a fast-growing military power, the only permanent member of the UN Security Council which in the past had armed conflicts with the USSR (Russia).

Today China in cooperation with the Arctic states is drawing up a new international treaty — the Agreement to Prevent Unregulated High Seas Fisheries in the Central Arctic Ocean that can be definitely considered as its achievement. The legal analysis of China's stance (revealed, above all, in the China's Arctic Policy 2018) is of great importance because it is inconsistent with a historic status of the Arctic, particularly regarding special rights of Arctic states on marine living resources. The international legal stance of China could be regarded as a state's vision of legal regime of such resources from perspective *de lege ferenda*.

Keywords: the Arctic, the Central Arctic Ocean, conservation of marine living resources, People's Republic of China.

DOI: 10.12737/art.2018.6.9

В российской юридической науке уже показано, что наличествуют правовые особенности сохранения и рационального управления при-

родными живыми ресурсами в самом большом в Арктике анклав открытого моря (площадью около 2,8 млн км²), окруженном исключительными эконо-

мическими зонами пяти приарктических государств: с точки зрения применимости Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (далее — Конвенция 1982 г.); с точки зрения применимости норм международного права об управлении морскими экосистемами и об «осторожном подходе»; с точки зрения природоохранной характеристики данного арктического района, режим экологической безопасности в котором исторически создавался законодательством и договорно-правовой практикой приарктических государств¹.

В таком контексте морские живые ресурсы в пределах крупнейшего в мире арктического анклава открытого моря становятся значимым объектом международного права. В принятой этими государствами Декларации о предотвращении нерегулируемого промысла в районе открытого моря Северного Ледовитого океана 2015 г. (далее — Декларация 2015 г.) отмечено, что «учитывая обязательства государств в соответствии с международным правом сотрудничать друг с другом в области сохранения и управления морскими живыми ресурсами открытого моря, включая обязательство применять предосторожный подход, мы разделяем мнение о желательности применения соответствующих временных мер для сдерживания в будущем нерегулируемого промысла в районе открытого моря Северного Ледовитого океана». Хотя Декларация 2015 г. не имеет статуса международного договора по смыслу Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., этот документ, подписанный министрами иностранных дел пяти приарктических государств, квалифицирован в международно-правовой доктрине как отражающий применимые обычные нормы международного права².

В настоящее время уточнение правового режима живых ресурсов в центральной части Северного Ледовитого океана происходит при активном участии Китая — члена Совета Безопасности ООН, ядерной державы с растущей военной и экономической мощью, соседнего с Россией государства, численность

населения которого примерно в 10 раз больше численности российского населения. Китай становится все более весомым игроком на международной арене, весьма активно и юридически профессионально продвигающим свои национальные интересы в Арктике как посредством участия в работе Арктического совета в качестве постоянного наблюдателя, так и в рамках реализации договоров КНР с арктическими государствами³.

Сегодня Китай вместе с приарктическими государствами участвует в разработке нового международного договора — Соглашения о предотвращении нерегулируемого рыбного промысла в открытом море центральной части Северного Ледовитого океана (Agreement to Prevent Unregulated High Seas Fisheries in the Central Arctic Ocean). Район его действия — открытое море в центре Северного Ледовитого океана, которое окружено исключительными экономическими зонами пяти приарктических государств. Целью данного Соглашения является предотвращение нерегулируемого рыбного промысла в данном районе открытого моря посредством применения «осторожного подхода». Соглашение представляет собой первый международно-правовой акт, который *expressis verbis* закрепляет особый статус приарктических государств, вводя новое понятие — «прибрежные к центральной части Северного Ледовитого океана государства (central Arctic Ocean coastal states)». В соответствии со ст. 9 и 11 Соглашение вступит в силу на 30-й день после получения депозитарием всех документов о ратификации, принятии или присоединении от пяти приарктических и пяти неарктических государств, включая Китай. Таким образом, если Китай или иное из этих государств не передаст депозитарию такие документы, то Соглашение вовсе не вступит в силу. По состоянию на 27 августа 2018 г. проект текста Соглашения опубликован, но Соглашение не подписано⁴.

Понятие «морские живые ресурсы» в международном праве и его применение к биоресурсам Северного Ледовитого океана. Конвенция 1982 г. не содержит определения этого термина, несмотря на то что ее положения регулируют, помимо прочего, международные отношения, связанные с сохранением и устойчивым использованием морских живых ресурсов, как в пределах, так и за пределами национальной юрисдикции. В отечественной доктрине международного права обращается внимание на то, что международно-правовые положения о сохра-

¹ См.: Молодцов С. В. Правовой режим морских вод. М., 1982. С. 64 и след.; Вылегжанин А. Н. Региональный уровень праворегулирования отношений государств в Арктике (комментарий) // Московский журнал международного права. 2012. № 1. С. 270—297.

² Об обычных нормах международного права как о его основном источнике см.: Вылегжанин А. Н. Международный обычай: значение для уточнения современного статуса Арктики // Актуальные проблемы современного международного права: матер. XI ежегодной междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти проф. И. П. Блищенко. М., 2014. С. 14—40; Капустин А. Я. Международное право и Арктика // Российская Арктика — территория права. Альманах. Вып. II. Сохранение и устойчивое развитие Арктики. Правовые аспекты / рук. авт. колл. Т. Я. Хабриева. М.; Салехард, 2015. С. 38—44.

³ См. об этом: Куенко Е. В. Международно-правовая характеристика арктической политики Китая // Московский журнал международного права. 2017. № 3. С. 18—30.

⁴ Отметим, что распоряжением от 31 августа 2018 г. № 1822-р Правительство РФ одобрило проект этого Соглашения. URL: <http://static.government.ru/media/files/dhd9MCdW2dLvQcRZOgTAmaU7FVDjYZxZ.pdf> (дата обращения: 07.09.2018).

нении и управлении морскими живыми ресурсами применимы к видам морских организмов, эксплуатируемых человеком, которым свойствен критерий «эксплуатативности», т. е. термин «морские живые ресурсы», используемый в Конвенции 1982 г., обозначает «те организмы Мирового океана, которые используются человеком» в настоящее время⁵.

В отличие от района исключительной экономической зоны, где прибрежное государство обладает суверенными правами на живые ресурсы, в открытом море, согласно Конвенции 1982 г., все государства имеют право на то, чтобы их граждане занимались рыболовством. Однако при этом подразумевается, во-первых, соблюдение такими государствами определенных условий, установленных в Конвенции 1982 г., и, во-вторых, речь идет только о регулируемом рыболовстве — нерегулируемое рыболовство нелегитимно по смыслу Конвенции 1982 г.⁶ Хотя в зарубежных научных публикациях высказано мнение о том, что «положения Конвенции 1982 г. оставляют множество неопределенностей в отношении применимых правовых рамок (the provisions of the convention left many uncertainties with regards to the applicable legal framework)»⁷, в том числе в области сохранения морских биоресурсов и управления ими.

Кроме Конвенции 1982 г., применимым к сохранению и управлению морскими живыми ресурсами в центральной части Северного Ледовитого океана является Соглашение об осуществлении положений Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г., которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими 1995 г. (далее — Соглашение ООН 1995 г.)⁸. Как предусмотрено этим Соглашением, государства принимают меры к тому, чтобы обеспечить долгосрочную устойчивость трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и содействовать цели их оптимального использования; применяют «осторожный подход», меры по сохранению и управлению в отношении видов, принадлежащих к той же экосистеме; охраняют биоло-

гическое разнообразие морской среды; принимают меры к предотвращению или устранению чрезмерной эксплуатации и избыточного рыболовства потенциала; поощряют и проводят научные исследования и разрабатывают соответствующие технологии. И если сегодня биологической науке неизвестно о появлении в центральной части Северного Ледовитого океана далеко мигрирующих видов рыб (в первую очередь тунцов), то наличие трансграничных рыбных запасов в Северном Ледовитом океане признается.

Китай, будучи участником Конвенции 1982 г., не является участником Соглашения ООН 1995 г.; Китай подписал, но не ратифицировал это Соглашение. В зарубежной правовой литературе причину этой ситуации видят в тех нормах Соглашения ООН 1995 г., которые относятся к обеспечению его выполнения, а также к использованию силы при проведении инспекций на рыболовных судах властными органами государств — иных, чем государство флага судна⁹.

Применимые положения политико-правовых документов КНР об арктической политике. Главным из таких документов является Арктическая стратегия Китая, опубликованная в январе 2018 г. на английском и китайском языках. В документе подчеркивается особая роль Конвенции 1982 г., прежде всего для обоснования прав Китая в Арктике¹⁰. В соответствии с этим документом, отражающим базовые составляющие международно-правовой позиции КНР в отношении статуса Арктики, «Китай соблюдает международное право в сфере охраны окружающей среды и экосистемы Арктики и в сфере сохранения ее биологических ресурсов; Китай принимает активное участие в урегулировании проблем, связанных с изменением климата и окружающей среды в Арктике»¹¹. Далее подчеркивается, что Конвенция 1982 г. предоставляет Китаю правовую основу для управления Арктикой, права на судоходство в арктических морях, в том числе по трассам Северного морского пути, а также «наделяет Китай правами на исследование ресурсов в районе открытого моря Северного Ледовитого океана»¹². Обратим внимание: в документе КНР заложена правовая неточность. В открытом море, согласно Конвенции 1982 г., прибрежные государства пользуются правами на исследование и использование лишь морских живых ресурсов водной толщи, но не минеральных ресурсов дна открытого моря и не «сидячих» видов.

⁵ См.: *Вылегжанин А. Н.* Морские природные ресурсы (международно-правовой режим). М., 2001. С. 159—160.

⁶ См.: *Вылегжанин А. Н., Зиланов В. К.* Международно-правовые основы управления морскими живыми ресурсами. Теория и документы. М., 2000. С. 26.

⁷ *Koivurova T., Duyck S., Qin T., Nykanen T.* Conservation of Marine Living Resources and Fisheries Management in the Arctic: Perspectives from Non-Arctic Actors // *Arctic Law and Governance: the Role of China, the EU and Finland*. Oxford, 2015. P. 4. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2518376 (дата обращения: 01.08.2018).

⁸ Соглашение ООН по рыбным запасам 1995 г. (ст. 4) не предусматривает приоритет его норм перед нормами Конвенции 1982 г.

⁹ См.: *Koivurova T., Duyck S., Qin T., Nykanen T.* Op. cit. P. 18.

¹⁰ Китай подписал Конвенцию ООН по морскому праву 10 декабря 1982 г., ратифицировал ее 15 мая 1996 г.

¹¹ China's Arctic Policy, The State Council Information Office of the People's Republic of China, January 2018. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-01/26/c_136926498.htm (дата обращения: 01.08.2018).

¹² Ibid.

В документе же КНР говорится о его правах на исследование всяких «ресурсов», т. е. на исследование и минеральных природных ресурсов, и «сидячих» видов, например ресурсов краба. Но последние в районе открытого моря могут являться ресурсом континентального шельфа, а на природные ресурсы континентального шельфа (под районом открытого моря) распространяются суверенные права соответствующего приарктического государства; в силу таких прав исследование ресурсов континентального шельфа требует согласия прибрежного государства. Это имеет большое значение, поскольку квоты на научные исследования ресурсов краба, например, имеют значимое финансовое измерение¹³.

Особого правового анализа требует позиция КНР в отношении установления в центральной части открытого моря в Северном Ледовитом океане морских охраняемых районов. В зарубежной доктрине констатируется лишь позитивная составляющая установления морских охраняемых районов; издержки для рыбной промышленности оставляются «за кадром». Это давнее противопоставление интересов рыбопромышленников и природоохранных организаций Китая предлагает гармонизировать по-своему: морские охраняемые районы рассматривать как инструмент экологической защиты, но с явной преференцией не в пользу прибрежных, а в пользу Китая и развивающихся государств. При этом декларируется, что морские охраняемые районы вносят вклад в защиту и устойчивое использование морской среды¹⁴.

Поясним, что морские охраняемые районы в юридическом плане связывают прежде всего с Конвенцией о биологическом разнообразии 1992 г.¹⁵ В ней содержится определение термина «охраняемый район», который означает «географически обозначенную территорию, которая выделяется, регулируется и используется для достижения конкретных природоохранных целей»¹⁶. Согласно более развернутой дефиниции, которую дал Международный союз охраны природы, к особо охраняемым природным территориям относятся участки суши и (или) моря, специально предназначенные для сохранения и поддержания биоразнообразия, природных и связанных с ними культурных ресурсов и имеющие особый юридический статус¹⁷. Большинство морских охраняемых районов расположены в районах, находящихся под юрисдикцией соответствующих прибрежных государств.

В юридической литературе приводится несколько примеров морских охраняемых районов за пределами национальной юрисдикции: 1) государства — участники Конвенции по защите Средиземного моря от загрязнения (Convention for the Protection of the Mediterranean Sea) 1976 г. в 2001 г. установили первый морской охраняемый район, частично состоящий из пространств открытого моря¹⁸; 2) в соответствии с Конвенцией о защите морской среды Северо-Восточной Атлантики (Convention for the Protection of the Marine Environment of the North-East Atlantic) 1992 г. была установлена сеть морских охраняемых районов за пределами национальной юрисдикции. То, что число морских охраняемых районов, созданных за пределами национальной юрисдикции, незначительно, в юридической литературе объясняется «отсутствием международно-правовых рамок, регламентирующих создание и управление охраняемыми районами в открытом море», а это, в свою очередь, «препятствует принятию региональными организациями эффективных мер в отношении третьих государств»¹⁹.

Какова связь, в контексте позиции Китая, между понятиями «морские охраняемые районы» и «особые районы», используемыми в Международной конвенции по предотвращению загрязнения с судов 1973 г.? Данная Конвенция предусматривает создание «особых районов», в которых действуют специальные ограничения на сброс отходов; эта же Конвенция предусматривает принятие навигационных правил (например, назначение «районов, которых следует избегать») или введение «систем судовых сообщений». Международная морская организация приняла руководства для целей определения «особо уязвимых морских районов», в которых судоходство регулируется по специальным правилам. По мнению правоведов, анализирующих позицию Китая, эти меры, хотя и принятые на уровне компетентных международных организаций, не в полной мере согласуются с пониманием того, что такое морские охраняемые районы²⁰. В рассматриваемом контексте ниже предметнее анализируется позиция КНР в отношении проблем сохранения и устойчивого использования биологического разнообразия за пределами национальной юрисдикции, с учетом отражения этой проблемы в документах Генеральной Ассамблеи ООН (далее — ГА ООН).

ГА ООН в 1999 г. в целях в том числе сохранения и управления морскими живыми ресурсами за пределами национальной юрисдикции, а также создания морских охраняемых районов запустила Открытый процесс неофициальных консультаций ООН по вопросам океана и морского права. В 2004 г. под ман-

¹³ См.: *Вылегжанин А. Н., Зиланов В. К.* Указ. соч.

¹⁴ См.: *Koivurova T., Duyck S., Qin T., Nykanen T.* Op. cit. P. 17.

¹⁵ КНР является участником Конвенции о биологическом разнообразии.

¹⁶ URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml (дата обращения: 01.08.2018).

¹⁷ См.: *Иванов А. Н., Чижова В. П.* Охраняемые природные территории: учеб. пособие. М., 2003. С. 9.

¹⁸ См.: *Koivurova T., Duyck S., Qin T., Nykanen T.* Op. cit. P. 6.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid.

датом ГА ООН была создана Специальная неофициальная рабочая группа открытого состава по изучению вопросов, касающихся сохранения и устойчивого использования морского биологического разнообразия за пределами действия национальной юрисдикции. В 2015 г. в соответствии с Резолюцией ГА ООН 69/292 «О разработке Генеральной Ассамблеей на базе Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву международного юридически обязательного документа» был создан Подготовительный комитет по разработке юридически обязательного документа о сохранении и устойчивом использовании морского биоразнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции²¹. Интерес вызывает то, что наиболее активно в переговорном процессе участвовали развивающиеся страны, а Китай позиционировал себя как их лидер и вместе с тем как государство вне Группы 77 (сложилась как представляющая интересы развивающихся государств еще в ходе III Конференции ООН по морскому праву). Так, «Группа 77 + Китай» заявила о необходимости объявления морских живых ресурсов за пределами национальной юрисдикции «общим наследием человечества» и создания институционального механизма для «справедливого режима сохранения и устойчивого использования морского биологического разнообразия»²². Такая международно-правовая позиция находится в противоречии с применимыми действующими принципами и нормами международного права. Согласно Конвенции 1982 г. морские живые ресурсы за пределами национальной юрисдикции не являются «общим наследием человечества» — таковыми квалифицированы только минеральные ресурсы морского дна за пределами национальной юрисдикции (часть XI Конвенции 1982 г.). Другими словами, международно-правовой подход «Группы 77 + Китай» в данном вопросе не находит подтверждения в действующем применимом международном праве. В этом же контексте не выдерживает критики тезис Китая и развивающихся государств о том, что суверенные права прибрежных государств не распространяются на районы за пределами национальной юрисдикции и что «во главе уг-

ла» нужно поставить «справедливое распределение благ между государствами» вне зависимости от того, прибрежное или неприбрежное это государство к данному морскому району²³.

«Группа 77 + Китай» выступает и за то, чтобы достигнуть предварительного консенсуса в вопросе о том, что есть «зонально привязанные инструменты хозяйствования» (area-based management tools), включая морские охраняемые районы. Эти государства делают акцент на «устойчивом и равноправном» использовании морских живых ресурсов в районах за пределами национальной юрисдикции, связывая его с принципом «общего наследия человечества»; тем самым в концепцию морских охраняемых районов предлагается привнести новое содержание, отвечающее интересам Китая и «Группы 77». В рамках обозначенного подхода ими предлагается объявить все пространство открытого моря за пределами национальной юрисдикции одним морским охраняемым районом при акценте на применении «осторожного подхода» (принципа предосторожности) и на защиту морской среды; предлагаются также уточнения порядка подотчетности рыболовных судов государству флага, которая может стать основой для анализа рыбного промысла и оценки их соответствия применимому праву. В рамках же действующего правового порядка в мировом океане, по мнению экспертов «Группы 77 + Китай», Конвенция 1982 г. «не может спасти живые морские ресурсы от их подрыва»²⁴.

Итак, международно-правовая позиция КНР в отношении правового режима морских биологических ресурсов в центральной части открытого моря в Северном Ледовитом океане, будучи в основе своей не противоречащей применимому международному праву, тем не менее привносит по ряду составляющих новые правовые ориентиры и даже юридически одиозные констатации. Некоторые из них явно обусловлены национальными интересами Китая, других неарктических государств и не согласуются с исторически сложившимся статусом Арктики, особенно в части особых прав на природные ресурсы региона приарктических государств. Другие составляющие международно-правовой позиции Китая можно рассматривать как видение этим государством правового режима таких ресурсов с точки зрения будущего права (*de lege ferenda*). В целом и первое и второе свидетельствует о целесообразности своевременного учета в правовой политике России в Арктике уже обозначенной международно-правовой политики Китайской Народной Республики — в стратегической перспективе, возможно, самого мощного в экономическом и военном отношении государства мира.

²¹ На 69-й сессии 19 июня 2015 г. ГА ООН приняла резолюцию 69/245 «Разработка на базе Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву международного юридически обязательного документа о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции».

²² Development of an International Legally Binding Instrument under the United Nations Convention on the Law of the Sea on the Conservation and Sustainable Use of Marine Biological Diversity of Areas Beyond National Jurisdiction (A/RES/69/292) Group of 77 and China's Written submission 5 December 2016. URL: http://www.un.org/depts/los/biodiversity/prepcom_files/rolling_comp/Group_of_77_and_China.pdf (дата обращения: 01.08.2018).

²³ URL: http://www.un.org/depts/los/biodiversity/prepcom_files/rolling_comp/Group_of_77_and_China.pdf (дата обращения: 01.08.2018).

²⁴ Ibid.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Koivurova T., Duyck S., Qin T., Nykanen T. Conservation of Marine Living Resources and Fisheries Management in the Arctic: Perspectives from Non-Arctic Actors // Arctic Law and Governance: the Role of China, the EU and Finland. Oxford, 2015. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2518376.

Вылегжанин А. Н. Международный обычай: значение для уточнения современного статуса Арктики / Актуальные проблемы современного международного права: матер. XI ежегодной междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти проф. И. П. Блищенко. М., 2014.

Вылегжанин А. Н. Морские природные ресурсы (международно-правовой режим). М., 2001.

Вылегжанин А. Н. Региональный уровень праворегулирования отношений государств в Арктике (комментарий) // Московский журнал международного права. 2012. № 1.

Вылегжанин А. Н., Зиланов В. К. Международно-правовые основы управления морскими живыми ресурсами. Теория и документы. М., 2000.

Иванов А. Н., Чижова В. П. Охраняемые природные территории: учеб. пособие. М., 2003.

Капустин А. Я. Международное право и Арктика // Российская Арктика — территория права. Альманах. Вып. II. Сохранение и устойчивое развитие Арктики. Правовые аспекты / рук. авт. колл. Т. Я. Хабриева. М.; Салехард, 2015.

Киенко Е. В. Международно-правовая характеристика арктической политики Китая // Московский журнал международного права. 2017. № 3.

Молодцов С. В. Правовой режим морских вод. М., 1982.